

Раннее утро. Москва 1911. 30 мая

БЫТОПИСАТЕЛЬ „ТЕМНАГО ЦАРСТВА“.

Раннее утро
1911. 30 мая

(Къ 25-лѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго).

I.

Сперва уголокъ московскаго захолустья—Замоскворѣчья.

Сонъ пустынныхъ улицъ, сонъ замкнувшихся въ типинѣ домиковъ. Сторона, гдѣ дни раздѣляются на легкіе и тяжелые: гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одинъ изъ нихъ начинаетъ шевелиться: значитъ, плохо дѣло, гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза, а лѣчатся симпатіями; гдѣ есть свои астронумы, которые наблюдаютъ за кометами и разсматриваютъ двухъ человекъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаютъ депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилежащихъ...

Потомъ и другой такой-же уголокъ у Николая въ Воробинѣ.

Почти незастроенный пустырь... По соседству съ домомъ „Серебряныя бани“. Въ окно можно видѣть, какъ отъ туда вырываются голыя фигуры, отъ которыхъ идетъ паръ, бросаются въ свѣжныя сугробы, перекапываются въ нихъ... Противъ дома полосатая полицейская будка. Вѣчно дремлетъ въ ней старый беззубый будочникъ съ большой тупой аллебардой...

Характерныя уголки старой николаевской Москвы, Москвы 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Въ этихъ уголкахъ пришлось провести Островскому свою юность, свою молодость.

Занятія отца, сперва сенатскаго чиновника, потомъ ходатая по дѣламъ, собственная служба въ совѣтномъ судѣ, потомъ въ коммерческомъ, съ раннихъ лѣтъ окунули Островскаго въ среду его будущихъ героевъ, въ среду людей, еще вѣрящихъ въ „трехъ рыбъ“.

Въ литературу онъ вошелъ съ необычнымъ до него знаніемъ жизни русскаго купечества.

По выраженію Тургенева:
— Началь необыкновенно.

II.

Послѣ четырехъ лѣтъ работы Островскій закончилъ свою первую комедію „Банкротъ“, названную имъ впоследствии „Свои люди—сочтемся“.

Отдѣльныя сцены авторъ еще раньше читалъ у проф. Шевырева, въ при-

сутствіи А. С. Хомякова и критика А. Григорьева.

Но ихъ одобренія было недостаточно, чтобы Островскому открылся путь въ единственный московскій журналъ „Москвитянинъ“, издававшійся историкомъ Погодинымъ.

Теперь Островскаго съ триумфомъ возили изъ гостиной въ гостиную—читать пьесу.

Наконецъ и Погодинъ запросилъ Шевырева:

— Есть какой-то Островскій, который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, какъ я слышалъ...

Профессоръ просилъ „спросить“ у Островскаго „его трудовъ“:

— Я посмотрѣлъ бы ихъ и потомъ объявилъ-бы свои условия.

Чтеніе „Банкрота“ состоялось въ гостиной Погодина.

Восторженный Шевыревъ успѣшилъ заявить:

Поздравляю васъ, господа, съ новымъ драматическимъ свѣтиломъ въ русской литературѣ!

Расшевелился и сухой хозяинъ, записавъ тотъ день къ своему дневникѣ:

— Комедія „Банкротъ“ — удивительная.

Присутствовавшій на чтеніи Гоголь замѣтилъ:

— Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ приемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно-бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить.

Комедія, конечно, была напечатана въ „Москвитянинѣ“.

Въ студенческихъ трактирахъ книжка журнала бралась нарасхватъ.

Мало того.

Въ трактирѣ у Чугуннаго моста, гдѣ стояла единственная въ Москвѣ машина съ барабанами, куда собирался самый разношерстный народъ, комедія Островскаго ежедневно, по нѣскольку разъ, читалась вслухъ какимъ-то добровольнымъ чтениемъ:

— За приличное угощенье...

III.

Чужіе лавры возбудили зависть. Драматическій артистъ Д. Тарасенковъ, но сценѣ Горевъ, заявилъ свои притязанія на авторство „Банкрота“ въ

Ал. Ник. Островскій.

(Съ портр. художн. В. Перова).

сотрудничествѣ съ Островскимъ.

Дѣйствительно, подъ напечатаннымъ еще давно отрывкомъ пьесы стояли инициалы А. О. и Д. Г.

Островскій долженъ былъ выступить съ печатнымъ разъясненіемъ относительно „сотрудничества“ Горева, заключавшагося въ томъ, что Горевъ три или четыре вечера писалъ подъ диктовку Островскаго.

Но клеветы на Островскаго долго не сходили со столбцовъ нѣкоторыхъ газетъ.

IV.

У Островскаго были другіе „сотрудники“, которые, можетъ быть, и не подозревали, что писатель пользуется ихъ „крылатыми словами“.

Банщикъ Иванъ Миرونъ въ балняхъ у Каменнаго моста увидѣлъ,

что въ раздѣлальню, заржавъ жеребенкомъ, вбѣжалъ одинъ молодой человекъ.

— Малодушествомъ занимается! — замѣтилъ банщикъ.

Выраженіе, подхваченное Островскимъ.

Сотни другихъ „сотрудниковъ“, питавшихъ собою наблюдательность художника...

Наиболѣе цѣнныя лепты внесли въ творчество Островскаго 2 лица:

Торговецъ изъ Ильинскихъ рядовъ Иванъ Ивановичъ Шанинъ, молодой, остроумный, бойкій собесѣдникъ.

И подруга молодости писателя Агафья Ивановна, простая необразованная, но умная, привлекательная женщина.

Изъ шанинскихъ рассказовъ родилась фигура Любима Торцова.

Много мелочныхъ подробностей купеческой жизни повѣдано было Островскому Агафьей Ивановной.

V.

Островскій, конечно, не избѣжалъ удѣла русскихъ писателей — цензурныхъ придирокъ.

„Банкротъ“ не былъ разрѣшенъ къ постановкѣ на сценѣ. Самъ авторъ — отданъ подъ надзоръ полиціи.

Онъ пожаловался московскому ген.-губернатору гр. Закревскому, бывшему поклонникомъ его таланта.

Закревскій въ отвѣтъ лукаво улыбнулся:

— Это вамъ дѣлаетъ больше чести... Только въ 1860 г. цензура допустила пьесу на сцену, и то потребовала отъ автора — измѣнить конецъ...

„Воспитаницу“ третье отдѣленіе долго держало подъ запретомъ — по его мнѣнію, авторъ издѣвался надъ дворянствомъ, освобождаямъ крестьянъ и приносившимъ большія жертвы...

Императоръ Александръ II пожаловалъ Островскому бриллантовый перстень за патріотическія чувства, выраженные въ хроникѣ „Бозьма Мининъ - Сухорукъ“, но III отдѣленіе нашло представленіе пьесы... несвоевременнымъ.

Въ запрещеніи и разрѣшеніи пьесъ царилъ полнѣйшій произволъ.

Начальникомъ III отдѣленія Дуббельтомъ была запрещена „Картина семейнаго счастья“. Пріятель Островскаго, артистъ Бурдинъ, желавшій поставить эту пьесу въ свой бенефисъ, отправился къ Дуббелту:

— У меня горе, ваше превосходительство: бенефисъ на носу, а всѣ представленные мною пьесы не одобрены.

— Ай, ай, ай! Какъ это вы, господа, выбираете такія пьесы, которые мы не можемъ одобрить... все непременно съ тенденціями!

— Никакихъ тенденцій, ваше превосходительство; но цензура такъ требовательна, что положительно не знаешь, что и выбрать!

— Какую-же пьесу вы желаете, чтобы я вамъ дозволилъ?

— „Семейную картину“ Островскаго.

— Въ ней нѣтъ ничего политическаго?

— Рѣшительно ничего; это — небольшая сценка изъ купеческаго быта.

— А противъ религіи?

— Какъ это можно, ваше превосходительство?

— А противъ общества?

— Помилуйте — это просто характерная бытовая картинка. Дуббельтъ призываетъ камергера Гедерштерра:

— Вотъ господинъ Бурдинъ проситъ разрѣшить ему для бенефиса не одобренную вами пьесу Островскаго — такъ я ее дозволяю.

Гедерштерръ пытается возразить: — Но, ваше превосходительство...

— Дозволяю — слышите!

— Но, ваше превосходительство, въ книгѣ экстрактовъ извольте прочесть...

— А, Воже мой! Я сказалъ, что дозволяю! Подайте пьесу.

И, не зачеркивая запрещенія, Дуббельтъ сверху пишетъ: „Дозволяется. Ген.-лейт. Дуббельтъ“.

По словамъ Бурдина, въ такомъ видѣ экземпляръ пьесы хранился въ театральной библиотекѣ.

VI.

Впервые Островскій увидалъ свою пьесу на сценѣ только въ 1853 году.

Шла комедія: „Не въ свои сани не садись“.

Театральное начальство долго смущалось. Еще-бы — на сценѣ купецъ и безразветвенный дворянинъ?..

Смущеніе должно было исчезнуть: Второе представленіе посѣтилъ государь. Послѣ спектакля онъ замѣтилъ:

— Очень мало пьесъ, которыя-бы мнѣ доставляли такое удовольствіе, какъ эта. Се n'est pas une piéce, c'est un leçon.

Въ Москвѣ пьесы Островскаго всегдѣмъ покорили публику.

Гастролировавшая здѣсь Рапелъ была принуждена играть по утрамъ, такъ какъ Островскій отвлекалъ публику съ ея спектаклей.

VII.

Канцелярскому служителю московскаго коммерческаго суда Островскому начальство назначило жалованія:

4 рубля въ мѣсяцъ.

А даже по табели полагалось 5 р. 62½ копѣйки...

Сотрудникъ „Москвитянина“ — Островскій получалъ нѣсколько больше.

Но все-таки такъ мало, что стыдился говорить, какой гонораръ заплатилъ ему Погодинъ за первую комедію.

Въ „Москвитянинѣ“ былъ оригинальный расчетъ:

Получать по 15 р. за печатный листъ было мечтой для семейныхъ сотрудниковъ, холостые-же должны были довольствоваться половиной.

Не лучше стало для Островскаго и тогда, когда его комедіи появились на сценѣ.

За представленія комедіи „Не въ свои сани не садись“, прошедшей сотни разъ, Островскій ничего не получалъ.

За вторую появившуюся на сценѣ пьесу „Бѣдность не порокъ“ получить въ высшей степени маленькую перспективную плату:

Изъ 2/3 сбора двадцатую часть.

За 19 лѣтъ, съ 1853 по 1872 г. Пьесы Островскаго дали казеннымъ театрамъ около 2.000.000 р. дохода, а писатель съ своей семьей все время нуждался.

И только за 3 года до смерти ему была пожалована пожизненная пенсія въ 3.000 рублей.

Первая афиша „Не въ свои сани не садись“ съ портретомъ А. Н. Островскаго.

VIII.

Въ послѣдніе годы жизни Островскій много времени отдавалъ общественной дѣятельности.

Онъ былъ вдохновителемъ и предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ, однимъ изъ учредителей общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, завѣдующимъ художественной частью московскихъ театровъ, начальникомъ театрального училища.

Въ изнурительномъ трудѣ Островскій догорѣлъ.

2 июня 1886 года онъ умеръ въ своемъ костромскомъ имѣніи Щельковѣ.